

Анастасия Владимировна Колмогорова

доктор филологических наук, профессор департамента филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 119–121)
E-mail: akolmogorova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

Топонимы в советском песенном дискурсе (1964–1991): корпусное исследование

Аннотация

Статья посвящена анализу употребления топонимов (астионимов, космоимов, гидронимов, урбанонимов и др.) в советском песенном дискурсе трех десятилетий (1960-х, 1970-х, 1980-х гг.), а также последнего советского двухлетия (1990–1991). Материалом послужил выявленный автором корпус советских песен на русском языке, вышедших на пластинках фирмы «Мелодия» в 1964–1991 гг., объемом 6 134 текстов. Цель исследования — обнаружить специфику и общие тенденции использования топонимов в песенном дискурсе четырех советских периодов. В работе используются методы компьютерного анализа больших текстовых данных (метод извлечения именованных сущностей и метод ГИС-визуализаций), их качественно-количественный анализ, а также приемы дискурс-анализа и элементы лингвокультурологического анализа. В результате выявлены основные тенденции в использовании топонимов в корпусе советской песни. Частотность и распределение топонимов в текстах советских песен определяются тенденциями к легитимации государством в сознании граждан различных программных решений в области политики и экономики. Селекция астионимов достаточно хорошо согласуется с внутренней трудовой миграцией; оронимы, астионимы и урбанонимы отражают векторы внешней политики, актуальные для государства в то или иное десятилетие; частотность и контекстное окружение космоимов транслируют имидж СССР на внешнеполитической арене. Частотность и распределение топонимов в текстах советских песен зависят также от степени свободы слова, которой общество обладает на данный момент: волны идеологической и экономической миграции в страны Европы и США проявляются ростом частотности астионимов, хоронимов — названий зарубежных стран, городов капиталистических стран, урбанонимов, отсылающих к местам локального проживания эмигрантов из СССР. В советских песнях разных десятилетий находят отклик факты коллективных военных травм общества: Великой Отечественной войны и военного конфликта в Афганистане. Перспективу исследования составляет сравнение полученных данных с корпусом эстрадных песен постсоветского времени.

Ключевые слова

топонимы; советские песни; метод извлечения именованных сущностей; ГИС-технологии; институциональный дискурс; лингвистический корпус; картина мира

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Текст как Big Data: методы и модели работы с большими текстовыми данными» (ФИ-2025-32) для выполнения фундаментальных проектов тематического плана научных исследований, предусмотренных Государственным заданием Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» на 2025 год. Благодарю С. А. Карпову за помощь в сборе корпусного материала.

Для цитирования

Колмогорова А. В. Топонимы в советском песенном дискурсе (1964–1991): корпусное исследование // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 2. С. 148–182. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.020

Рукопись поступила в редакцию 26.07.2024

Рукопись принята к печати 06.12.2024

Anastasia Vladimirovna KOLMOGOROVA

DrHab, Professor, Department of Philology, National Research University Higher School of Economics-St Petersburg (HSE University) (119–121, nab. Griboyedov Canal, 190068 St Petersburg, Russia)
Email: akolmogorova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

Toponyms in Soviet Song Discourse (1964–1991): A Corpus-Based Study

Abstract

This article investigates the use of toponyms (astionyms, cosmonyms, hydronyms, urbanonyms, and others) in Soviet song discourse spanning three decades (the 1960s, 1970s, and 1980s), as well as the final years of the Soviet period (1990–1991). The analysis is based on a corpus of 6,134 Russian-language song lyrics released on vinyl records by the state-run label *Melodiya* between 1964 and 1991, compiled by the author. The study aims to identify the distinctive features and prevailing trends in the use of toponyms across four Soviet chronological periods. The methodology combines computer-based analysis of large text datasets (named entity recognition and GIS visualisation), qualitative and quantitative methods, discourse analysis, and elements of linguistic and cultural analysis. Through this comprehensive approach, the study sheds light on the primary tendencies in the employment of place names across the vast corpus of Soviet songs. The frequency and distribution of place names in the lyrics of Soviet songs is determined by the state's efforts to legitimize various political and economic decisions in the minds of the people. The selection of astionyms aligns with patterns of internal labour migration; oronyms, astionyms, and urbanonyms reflect the foreign policy priorities of the Soviet state in each period; the frequency and contextual framing of cosmonyms project an idealized image of the USSR on the international stage. Toponym use also correlates with the degree of freedom of expression in Soviet society. Waves of ideological and economic emigration to Europe and the United States align with an increase in the use of terms referring to foreign countries and capitalist cities, as well as urbanonyms associated with the places of residence of emigrants from the Soviet Union. Soviet song discourse also reflects collective experiences of wartime trauma, with

references to the Second World War and the Soviet-Afghan conflict appearing across the decades. Further research may fruitfully extend this analysis by comparing the findings with toponymic patterns in post-Soviet popular song corpora.

Keywords

toponyms; Soviet popular music; named entity recognition; GIS technologies; institutional discourse; linguistic corpus; conceptual worldview

Acknowledgements

This article was prepared as part of the project *Text as Big Data: Methods and Models for Working with Large-Scale Textual Data* (FI-2025-32), conducted within the framework of fundamental research under the thematic plan of the State Assignment for the National Research University Higher School of Economics for 2025.

The author is grateful to Sofia Karpova for her assistance in compiling the corpus material.

For citation

Kolmogorova, A. V. (2025). Toponyms in Soviet Song Discourse (1964–1991): A Corpus-Based Study. *Voprosy onomastiki*, 22(2), 148–182. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.020

Received on 26 July 2024

Accepted on 6 December 2024

Введение

Статья посвящена анализу специфики функционирования топонимов в советских песнях, выходивших на пластинках государственной звукозаписывающей компании «Мелодия», учрежденной в 1964 г. и являвшейся до середины 1990-х гг. монополистом в данной сфере. Песенный дискурс — особая сфера бытования языка и культуры. В нем оказываются сохраненными, единожды попав в его канву, следы ушедших эпох — то, что было важно для адресатов песни, которая всегда представляет собой нечто большее, чем просто сочетание текста и музыки.

Советская песня отражает изменения, происходившие в обществе новой социальной формации, его особый универсум, влияние которого на картину мира представителей русского лингвокультурного сообщества даже спустя десятилетия трудно переоценить [Зубкова 2019]. В нашей выборке в связи со спецификой материала он представлен периодом с 1964 по 1991 гг.

Цель статьи — выявить и описать специфику и общие тенденции использования топонимов в песенном дискурсе четырех советских периодов: 1960-х гг., 1970-х гг., 1980-х гг. и 1990–1991 гг. Такое деление отчасти продиктовано историографической традицией [Полынов 2017], но также согласуется со стереотипной периодизацией советской эпохи: 1960-е гг. — время оттепели, 1970-е гг. — период стагнации («зрелый застой»), 1980-е гг. — крах советских устоев и начало перестройки, 1990–1991 гг. — последние два

года формально еще советского времени, явившие начало так называемого дикого капитализма.

Применив компьютерные методы работы с текстовыми данными — метод поиска именованных сущностей, метод ГИС-визуализаций, — мы получили распределение топонимов по анализируемым периодам и сопоставили их.

Изучение топонимов на материале песенного дискурса

Тексты песен являются востребованным источником ономастической информации. Выделим несколько направлений исследований топонимов в песенном дискурсе.

Во-первых, топонимы в песенных текстах анализируются для того, чтобы восстановить историческую картину какого-либо процесса, события или периода, например освоения Сибири казаками [Иванова 2020], русско-шведской войны 1788–1790 гг. [Иванова 2021]. Во-вторых, изучение топонимии песенного фольклора используется для реконструкции ареала проживания и маршрутов кочевья коренных народностей той или иной территории: калмыков [Хабунова и др. 2018; Убушиева 2009], татар и мари [Хабибулина, Иванова 2023], тувинцев [Ондар и др. 2018], шорцев [Токмашев 2011]. Наконец, в-третьих, песенный дискурс служит материалом для описания картины мира какой-либо группы людей. Так, например, в [Неклюдов 2003] моделируется картина мира «блатных» элементов по данным городской песни XX в. На основе анализа русской географической песни была предложена продуктивная концепция культурного ландшафта территории [Калуцков, Иванова 2006] — своеобразной модели мира, разделяемой жителями территории в определенный период времени. Описание производится посредством комплексного анализа топонимов, с привлечением этнографической, исторической, культурологической информации.

Наша работа также решает задачу моделирования ценностно маркированной географической картины мира советского человека, становящейся объектом легитимации в институциональном дискурсе советской песни. Под легитимацией мы понимаем процесс, посредством которого определенный феномен начинает восприниматься в социуме как желаемый, приемлемый, соответствующий его системе норм, ценностей и убеждений [Колмогорова 2018: 34].

Советская песня относится к институциональному дискурсу, поскольку рассматриваемые нами песни выпускались на пластинках государственной компанией «Мелодия». Для того чтобы попасть в план звукозаписывающей

компании, чтобы запись состоялась, а пластинка вышла большим тиражом, авторам и исполнителям приходилось не раз проходить через отбор худсовета «Мелодии», действовавшего в тесной связи с идеологическими установками времени. Фильтрация песен начиналась уже с того, что предпочтение отдавалось поэтам-песенникам, которые являлись членами Союза писателей СССР, а композиторы должны были быть членами Союза композиторов СССР. Правда, к концу 1980-х гг. от этого правила начали отступать: «Основой песенной культуры 1990-х гг. стала созданная в советские годы система музыкального образования, сеть клубных учреждений, фестивального движения, формирование звукозаписывающих студий, появление музыкальных радиостанций» [Ильичева и др. 2020: 172]. Тем не менее текст песни, оказавшейся на виниле в музыкальных магазинах СССР 1960–1990-х гг., хотя и в разной степени, но являлся частью речевого взаимодействия «представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [Карасик 1998: 190–191] или даже идеологической мобилизации отдельных групп адресатов [Костылев 2009].

Наша гипотеза состоит в том, что селекция топонимов, которые становились частью текста советской песни 1960–1990-х гг., отражает ценностные акценты, которые песня, благодаря своей эмоционально-воздействующей функции, была призвана расставить в картине мира советских людей.

В ходе дальнейшего анализа мы постараемся выявить некоторые возможные ценностные ориентиры на карте СССР, РСФСР и мира, задаваемые в дискурсе советской песни.

Материал и методы

Материал исследования составил корпус текстов советских эстрадных песен, вышедших под лейблом «Мелодия» со дня основания звукозаписывающей студии до 1991 г. включительно. Некоторые предварительные результаты нашей работы с версией корпуса 2022 г. опубликованы в [Колмогорова и др. 2024]. В этой статье мы представляем результаты дальнейшей обработки данных.

Сначала список песен был сформирован на основании метаданных (год выхода песни на пластинке, авторы стихов и музыки, исполнитель, название альбома или сборника, жанр), опубликованных на платформе [Discogs]. Интерфейс поиска по каталогу представлен на рис. 1.

Затем полные тексты песен отбирались из различных интернет-ресурсов. Преимущественно использовался сайт [Text-Pesenok]. Общий

размер корпуса песенных текстов, охватывающего временной период 1964–2021 гг., на данный момент составляет 64 512 единиц. В эту выборку вошли песни разных жанров: эстрадные, народные, военные марши, детские песни, романсы. Для исследования мы отобрали только такие песни, которые имели в метаданных помету «pop» (популярная музыка), а датой их выхода на пластинках «Мелодии» значился временной период 1964–1991 гг. Затем мы разбили выборку на четыре периода: 1964–1969 гг., 1970–1979 гг.; 1980–1989 гг. и 1990–1991 гг.

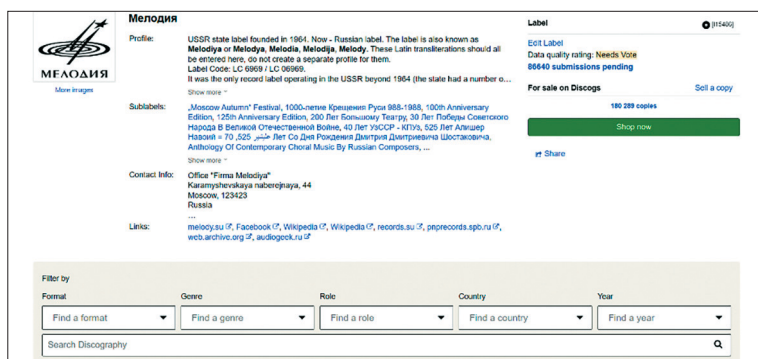

Рис. 1. Интерфейс поиска по каталогу ВТПО / ФГУК «Мелодия» (1964–2021) [Discogs]

Кроме того, был произведен дополнительный отбор данных, потребовавшийся в силу нескольких причин. Во-первых, многие песни после премьеры перепускались в рамках сборников и альбомов в другие годы, и не первые издания песни нужно было удалить из выборки соответствующего временного интервала — это делалось вручную. Во-вторых, поскольку метаданные песен и их тексты были получены из разных источников, зачастую один и тот же текст мог иметь разные названия в источниках. Для извлечения дубликатов применялся метод расчета расстояния Левенштейна¹: при небольшом расстоянии (до 100...150) дубликаты удалялись автоматически, при значительном (> 150) тексты просматривались путем экспертного анализа. В-третьих, в некоторых текстах песен присутствовали повторы припева, гитарные аккорды и вокализы — они тоже автоматически удалялись. Размер итогового датасета для данного исследования составил 6 134 текста.

¹Минимальное количество редакционных операций (вставок, удалений и замен символов), необходимых, чтобы преобразовать одну строку в другую [Левенштейн 1965].

Далее к данным применялась методология извлечения именованных сущностей (NER — *named entities recognition*) [см.: Филиппова 2016]. Под именованной сущностью понимается «что-либо реально существующее или вымышленное, на что можно указать или к чему можно обратиться при помощи имени собственного» [Там же: 214]. Задачу автоматического распознавания именованных сущностей можно свести к трем операциям: 1) нахождение в текстовой коллекции упоминаний сущностей; 2) однозначное указание на подразумеваемый объект или лицо; 3) приписывание ему категории [Там же: 214]. В данной публикации мы ограничились анализом группы сущностей типа «местоположение», которая включает в себя автоматически выделяемые в текстах топонимы разных видов [Подольская 1978]: космонимы, астрономы, инсулонимы, астионимы, гидронимы (лемнонимы, пелагонимы) и др. Итоговый объем данных представлен в табл. 1.

Таблица 1

Объем песенных текстов по десятилетиям

Десятилетие	Объем текстов (в токенах)	Количество сущностей типа «местоположение»
1960-е гг.	567 000	170
1970-е гг.	689 000	309
1980-е гг.	710 000	308
1990–1991 гг.	456 000	153

Извлечение сущностей в рамках данной работы проводилось на языке Python 3.12 с использованием библиотеки [Natasha]. Тексты песен — специфический материал, и проведенные нами эксперименты с инструментами из библиотек DeepPavlovBERT NER, Stanza и SpaCy продемонстрировали, что число верно распознанных объектов у библиотек Natasha и DeepPavlovBERT NER больше, чем у двух других упомянутых библиотек, но Natasha оказалась более удобной в использовании, поэтому именно она была выбрана в качестве основного средства извлечения именованных сущностей.

Когда сущности были извлечены из текстов подкорпусов, представляющих песенный дискурс четырех периодов, мы провели качественно-количественный анализ разных разрядов топонимов. При помощи метода лингвокультурологического комментирования уточнялся общекультурный контекст использования топонимов, в том числе привлекались научно-исследовательские источники по социологии [Зайончковская 1999], истории внешней политики СССР [Сенгуло 2000; Климова 2007], истории СССР

[Полынов 2017]. Чтобы детализировать функцию топонимов в институциональном дискурсе советской песни, применялись элементы дискурс-анализа.

Космонимы и названия континентов

Начнем обзор результатов с названий самых крупных объектов — планет. Ожидаемо среди всех планетонимов чаще всего упоминается *Земля*: в 1960-е гг. — 22 употребления, в 1970-е гг. — 42, в 1980-е гг. — 44, в 1990-е гг. — 38. При этом в каждом десятилетии появляется своя контекстная специфика. В 1960-е гг. *Земля* фигурирует в текстах на тему космоса — практически в каждой песне есть аллюзия к полету Ю. Гагарина. Например, в песне, получившей известность в исполнении Т. Миансаровой, малыш делает первые шаги, чтобы «Землю обойти кругом»:

А в саду дорожка так длинна,
Прямо к небу тянется она.
Топ-топ, топ-топ очень нележки
Топ-топ, топ-топ первые шаги.
Топ-топ скоро подрастешь,
Ножками своими ты пойдешь
И сумеешь, может быть, пешком
Землю обойти кругом...

(исп. Т. Миансарова. муз. С. Пожлаков,
слова А. Ольгин, «Топ-Топ», 1964).

У *Земли* появляется устойчивая характеристика-перифраз *голубая планета* (13 раз встречается в корпусе песен этого периода, значение меры ассоциации коллокатов Log-likelihood — 24,6²) — именно такой описал ее первый космонавт:

Лучше всех планет моя
Голубая планета Земля.
Звезды мимо, мимо, мимо,
Там внизу мой дом родимый...

(исп. В. Круглова, муз. П. Аедоницкий,
слова Л. Дербенев, «Голубая Земля», 1965).

²Мера ассоциации Log-likelihood (логарифмическая функция правдоподобия) считается классическим показателем силы синтагматической связи между элементами коллокаций [Митрофанова, Гаврилик 2022: 25]. В тексте статьи мы приводим значения данной меры там, где речь идет о частотных коллокациях с описываемыми онимами; в тех случаях, когда коллокаты встречаются единожды, значения меры не приводятся.

В 1970-е гг. планетоним *Земля* становится символом некоего глобального пространства, ассоциирующегося с единением всех жителей планеты для достижения целей мира и прогресса:

Если бы парни всей Земли
Вместе собраться однажды могли,
Вот было б весело в компании такой –
И до грядущего подать рукой...
(исп. М. Бернес, муз. В. Соловьев-Седой,
слова Е. Долматовский, «Если бы парни всей Земли...», 1973);

Мы вместе с вами дружным хором запоем на всю планету.
Музыка — громче, играй веселей,
Чтоб слышала вся Земля...
(исп. Л. Гурченко, муз. А. Левин,
слова Е. Горбовская, «Нужна мне песня», 1979).

При этом *Земля* начинает осмысляться как самостоятельная сущность, имеющая собственный, независимый от людей статус, собственную идентичность, поскольку большинство ассоциируемых с ней предикатов указывает на интенциональность предизируемого действия: *Земля закружилась* (значения меры Log-likelihood — 64,6), *Земля плывет* (Log-likelihood — 20,1), *Земля слышала* (Log-likelihood — 20,3).

В 1980-е гг. частотность онима не уменьшается: над миром нависла угроза ядерной войны; уже идет война в Афганистане; у послевоенного поколения происходит осмысление травмы Великой Отечественной войны; возникает экологическая повестка. Образ *Земли* феминизируется, в текстах она представляется как страдающая женщина:

Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя...
(автор и исп. В. Высоцкий, «Песня о Земле», 1980);

как беззащитная мать, над которой нависла угроза:

Прости, Земля, мы ведь еще растем,
Своих детей прости за все, за все.
Поверь, Земля, люди найдут пути,
Спасти тебя, себя спасти...
(исп. группа «Земляне», муз. В. Добрынин,
слова Л. Дербенев, «Прости, Земля!», 1982).

Коллокации *прости, Земля* и *Земля простит* имеют достаточно высокие значения меры — Log-Likelihood: 20,5 и 43,4 соответственно.

В 1990-е гг. *Земля* впервые появляется в религиозно-мировоззренческих контекстах — например, предстает как мир грешных людей, противопоставленный божественному:

Это я, Господи, это я.
Я на Земле своей человек.
Света и тьмы полна жизнь моя,
Неприкаянный весь мой век...

(автор и исп. А. Малинин, «Неприкаянный», 1990).

Луна (2/2/1/3)³, *Марс* (4/2/2/1) и *Венера* (3/2/1/1) фигурируют в песнях всех четырех временных периодов, посвященных освоению космоса, поскольку, по-видимому, выступают своеобразными референтными «зацепками» в массмедийной коммуникации для визуализации идеи космического пространства. В 1970-е гг. эксплуатируется образ *Млечного Пути* (4). В 1974 г. на экраны выходит советский фантастический фильм «Большое космическое путешествие» (реж. В. Селиванов), в котором есть песня «Млечный Путь», ставшая в связи с выходом фильма чрезвычайно популярной. В этом тексте вторая часть космонима-метафоры подвергается реификации и становится в прямом смысле обозначением дороги человека в космос:

А нас позвал в дорогу
Далекий Млечный Путь...

(муз. А. Рыбников, слова И. Кохановский).

В 1980-е гг. появляется и обретает популярность песня, где упоминается созвездие *Большой Медведицы*. Оно становится олицетворением одинокой советской женщины — проблема неполных семей и невозможности выйти замуж стала социально значимой для послевоенного поколения:

Ни о чем пытаться не буду
Ни Стрельца ни Козерога,
Лишь один вопрос задам Большой Медведице:
«Ты созвездие, конечно,
И живешь своею жизнью,
Той, что люди до конца еще не поняли,
Но и все-таки ответь мне,
Но и все-таки скажи мне:
Почему всегда одна ты бродишь по небу?»

(исп. В. Добрынин, муз. В. Добрынин,
слова Л. Дербенев, «Большая Медведица», 1984).

³Здесь и далее в скобках через косую черту указаны абсолютные частоты за каждый из четырех рассматриваемых периодов, а если речь идет о конкретном периоде — в круглых скобках указываются абсолютные частоты для данного периода.

В это же время в прокат выходят фильмы «Одиноким предоставляется общежитие» (1984), «Влюблен по собственному желанию» (1982), в которых данная проблема, пожалуй, впервые с экрана артикулируется институциональными авторами.

В 1980-е гг. появляется песня В. Высоцкого про звезду *Tay Kima*, которая пополняет запас имен «песенных» космических тел.

Что касается названий континентов, то во все рассматриваемые периоды песенные тексты артикулируют только названия зон температурных и климатических «экстремумов» — *Африка* (6/2/1/1) и *Антарктида* (2/4/3/2).

Первая предстает перед мысленным взором советских слушателей как некий рай:

В Африке — пальмы вот такой вышины...

(муз. А. Рыбников, слова Ю. Ким,
«Песня про Красную Шапочку», 1977);

или нереальное пространство, в котором безопасными становятся любые, даже самые острые, обсуждения:

В желтой жаркой Африке,
В центральной ее части,
Как-то вдруг вне графика
Случилось несчастье...

(автор и исп. В. Высоцкий, «Песенка ни про что», 1968).

Большинство употреблений (6 из 10) приходится на подкорпус 1960-х гг., когда сотрудничество с африканскими государствами было наиболее интенсивным [Сенгуло 2000].

С другой стороны, *Антарктида* (или *Антарктика*) олицетворяет мощную силу природы, с которой спорит человек, сильный и стойкий:

Столько в жизни знавал я широт,
Что себе самому позавидую.
Вот корабль ледокольный идет,
Смело споря с самой Антарктидою...

(муз. Т. Хренников, слова М. Матусовский,
«Белый айсберг плывет по волне», 1979).

В 1961 г. большую известность получила история о Леониде Ивановиче Рогозове — враче-хирурге, участнике антарктической экспедиции, который сам себя прооперировал, удалив аппендицит. На этот сюжет в 1963 г. В. Высоцкий пишет песню «Пока вы здесь в ванночке с кафелем...»:

А он себя шьет — понимаете? —
 Большими-большими стежками.
 Герой он! Теперь же смекайте-ка:
 Нигде не умеют так больше —
 Чего нам Антарктика с Арктикой,
 Чего нам Албания с Польшей!

Гидронимы

Бессменными морскими ориентирами песенных текстов всех четырех десятилетий являются п е л а г о н и м ы *Черное море* (4/4/4/2) и *Каспийское море* (3/4/1/1), а также о к е а н о н и м *Тихий океан* (3/3/2/1). У каждого из них в советском песенном дискурсе есть свои устоявшиеся эпитеты наподобие тех, которые типичны для фольклорных текстов [Цивьян 1990]: *Каспий — старый* (7 употреблений, Log-Likelihood — 40,7):

Старый Каспий во мгле шумит,
 Ночь над морем темна...
 (исп. Р. Бейбутов, муз. Р. Хуциев,
 слова В. Драгунский «Лейла», 1979);

Черное море — доброе (3), *теплое* (4) и *ласковое* (4):

Здравствуй, море золотое,
 Черное, теплое, доброе!
 (исп. квартет «Аккорд», муз. П. Аедоницкий,
 слова В. Лазарев, «Здравствуй, “Спутник”!», 1968);

Тихий океан — соленый (3) и *бескрайний* (4):

И я пройти еще смогу
 Соленый Тихий океан...
 (исп. Н. Михалков, муз. А. Петров, слова Г. Шпаликов,
 «А я иду, шагаю по Москве...», 1964).

В 1960-е гг. среди упомянутых обширных водных пространств в песнях появляются только такие, которые геополитически являются «советскими», хотя бы частично: *Черное море* (4), *Каспий* (3), *море Баренца* (2), *пролив Лаперуза* (2), *Тихий океан* (3). В 1970-е гг. к списку добавляются «иностранные» моря и проливы: *Ла-Манш* (1), *Красное море* (2) и *Средиземное море* (1). Тексты песен 1980-х гг. (по-видимому, из-за обострения внешнеполитической обстановки) вновь ограничивают круг водных объектов по критерию принадлежности советской акватории. Песни 1990-х гг. предсказуемо апеллируют

к «заграничным» проливам *Гудзон* (2) и *Босфор* (2), также упоминаются *Финский залив* (1) и *Японское море* (1).

Что касается п о т а м о н и м о в, то в три периода из четырех лидирует *Волга / Волга-матушка* (12/22/20/10), и только в 1990-е гг. с ней начинает соперничать *Нева* (10). В текстах 1960-х гг. не единожды упоминаются сибирские реки: *Амур* (2), *Ангара* (2), *Иртыш* (2) (см. рис. 2).

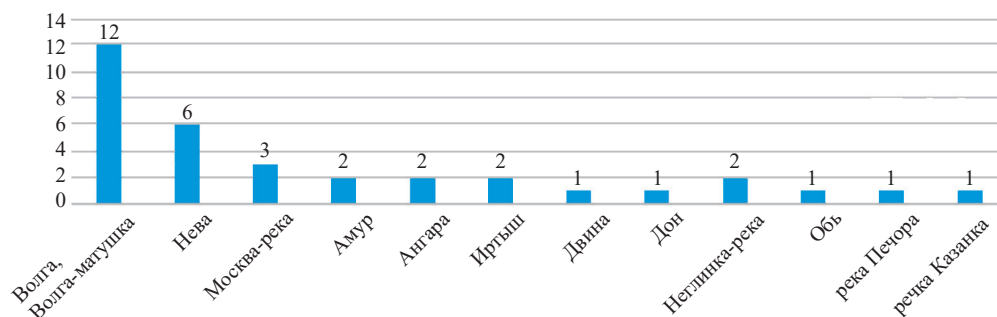

Рис. 2. Частотность упоминаний потамонимов в песнях 1960-х гг.

В дальнейшие десятилетия (см. рис. 3–5) в пятерку лидеров будут входить названия южных рек: *Дон*, *Днепр*, *Дунай*. Они встречаются в контекстах памяти как огненные рубежи Второй мировой войны.

Во все периоды «героями» песенного дискурса становятся не только крупные реки, но и малые, преимущественно протекающие в черте столичных городов: *Фонтанка* (1/1) присутствует в песнях 1980-х гг. и 1990-х гг., *Неглинная* (2/1) — в песнях 1960-х гг. и 1980-х гг., *Яуза* (2) — в песнях 1990-х гг.

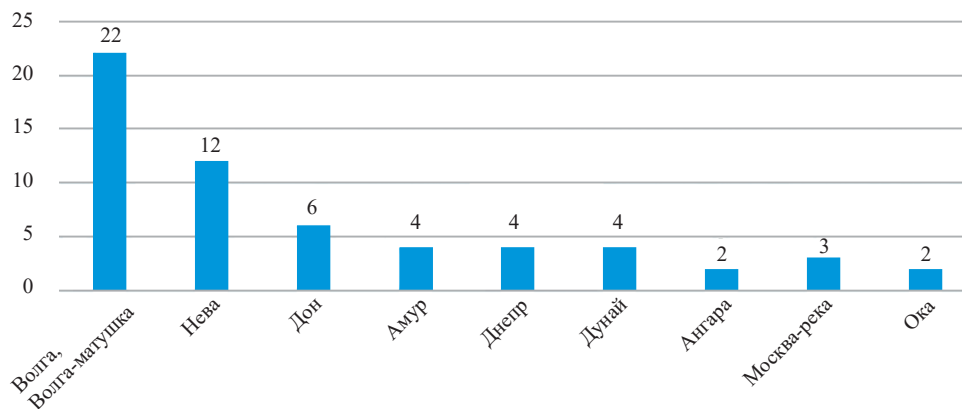

Рис. 3. Частотность упоминаний потамонимов в песнях 1970-х гг.

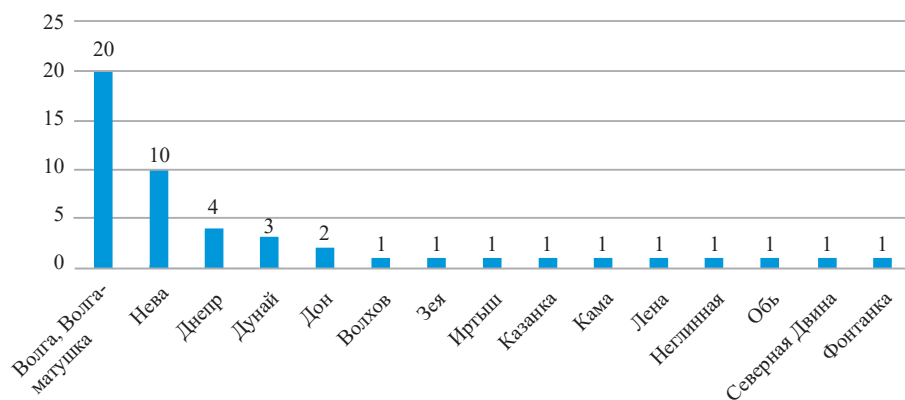

Рис. 4. Частотность упоминаний потамонимов в песнях 1980-х гг.

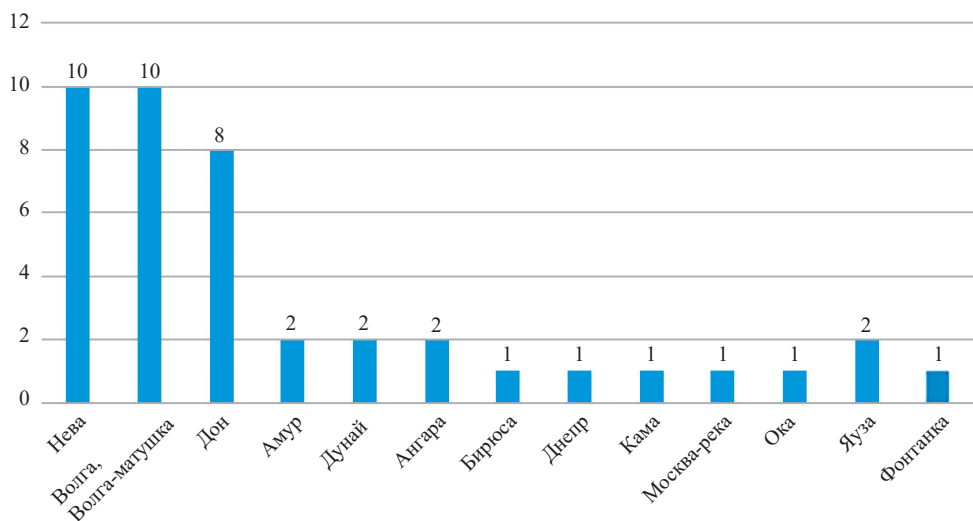

Рис. 5. Частотность упоминаний потамонимов в песнях 1990-х гг.

Среди рек, протекающих по территории зарубежных стран, закономерно чаще всего упоминаются реки, ставшие грозными рубежами Великой Отечественной войны: *Эльба*, *Одер*, *Висла*, *Буг* (см. табл. 2). Анализ контекстов показал, что данные гидронимы также функционально приближаются к милитаронимам⁴.

⁴Милитаронимы — названия мест и объектов, связанных с военными действиями. Это могут быть названия видов оружия, сражений, воинских званий и пр. [см.: Одеков 1997].

Таблица 2

**Частотность названий рек, протекающих по территории зарубежных стран,
в песнях разных советских периодов**

1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.	1990-е гг.
<i>Висла</i> (3)	<i>Эльба</i> (3)	<i>Висла</i> (2)	<i>Буг</i> (2)
<i>Дунай</i> (2)	<i>Буг</i> (2)	<i>Эльба</i> (2)	<i>Ганг</i> (1)
<i>Эльба</i> (2)	<i>Одер</i> (2)	<i>Ганг</i> (1)	<i>Луара</i> (1)
<i>Нил</i> (1)	<i>Висла</i> (2)	<i>Занзибар</i> (1)	<i>Неман</i> (1)
	<i>Амазонка</i> (1)	<i>Лимпопо</i> (1)	<i>Терек</i> (1)
	<i>Лимпопо</i> (1)	<i>Луара</i> (1)	<i>Эльба</i> (1)
	<i>Луара</i> (1)	<i>Неман</i> (1)	
	<i>Неман</i> (1)	<i>Рейн</i> (1)	
	<i>Монсанарес</i> (1)	<i>Миссури</i> (1)	
	<i>Сена</i> (1)		

Инсулонимы

Инсулонимы в корпусе советских песен крайне немногочисленны: *Курильские острова*, *остров Жестева*, *Валаам* и *полуостров Крым*. В 1960-е гг. в песне Ю. Визбора упоминаются **Курильские острова**:

А вообще-то все трын-трава.
Здесь Курильские острова,
Что являют прекрасный вид
Бессердечности и любви...
(«Курильские острова», 1963).

В 1980-е гг. популярными становятся песни А. Галича, поднимающие запретную дотоле тематику ГУЛАГа и политзаключенных. В 1989 г. выходит его первая пластинка «Когда я вернусь» с песней «Утки летят», в которой появляется упоминание **острова Жестева**, но этот остров — плод поэтической фантазии автора, на реальной географической карте его нет:

С севера, с острова Жестева
Птицы летят.
Шестеро, шестеро, шестеро
Серых утят...

В 1980-е гг. (4) и 1990-е гг. (2) **Крым**, популярное место отдыха советских граждан, приобретает коннотацию «несбыточного рая» для романтических отношений:

С утра вы на работе, а после — гитарист.
Вы смотрите на женщин и их зовете в Крым,
Это характерно для мужчин...

(исп. А. Барышев, слова и муз. В. Шумов,
группа «Центр», «Жизнь замечательных мужчин», 1990).

В 1980-е гг. впервые в песенных контекстах появляется остров *Валаам* (2) — религиозные мотивы пока не артикулируются открыто, но духовное начало этого места очерчивается аллюзивно — при помощи звукоподражаний, обозначающих колокольный звон:

Бим-бам — сам Валаам,
Дно прогибая, поднялся грузно.
Дин-дон — да, это он,
Видно, как дышит мохнатой грудью

(исп., автор муз. и слов Е. Клячкин, «Валаам», 1986).

Хоронимы и астионимы

Мы выделили в корпусе следующие группы стран: СССР, европейские страны капиталистического лагеря, страны социалистического лагеря, страны Азии, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, страны Латинской Америки, страны Северной Америки и Африки, а также группу «другое», куда вошли в основном имена мифологических или вымышленных стран. Распределение стран по группам в зависимости от десятилетия представлено в табл. 3.

По строке «*н о м и н а ц и й С С С Р*» (см. табл. 3) хорошо заметно, что во все четыре периода, несмотря на существование, кроме РСФСР, еще 14 республик, в патриотических песнях страна ассоциировалась прежде всего с именем *Россия*. Номинации *СССР*, *Советский Союз*, *Союз* хотя и присутствовали, но были единичными. В 1990-е гг. на волне переосмысления прошлого России возвращается номинация *Российская империя*. Интересно, что в трех рассматриваемых периодах из четырех в текстах патриотических песен присутствует отсылка к историческому прошлому России, ее корням — *Русь*.

С каждым десятилетием увеличивается репертуар имен *с т р а н к а п и т а л и с т и ч е с к о г о л а г е р я*, используемых в текстах: от трех онимов в 1960-е гг. до восьми в 1990-е гг. В 1990-е гг. чаще всего употребляется хороним *Испания* (3), однако происходит это благодаря выходу на пластинках дотоле запретных записей романсов А. Вертинского и П. Лещенко, воспевавших эту страну в романтическом ключе:

В Испании родной
 Чудесною весной
 Синее неба даль
 И пахнет миндаль...

(исп. П. Лещенко, музыка и слова М. Марьяновский,
 «Барселона», 1991)

В песнях 1970-х гг. встречаются номинации *Германия* (когда речь идет о военных событиях — 2) и *ГДР* (речь идет о социалистическом строительстве — 1 употребление).

Имена стран социалистического лагеря в песенных текстах немногочисленны: *Болгария* (5), *Польша* (3), *ГДР* (2), *Венгрия* (1). В нашем корпусе ни разу не встретились ни *Румыния*, ни *Чехословакия*, ни *Югославия*.

Среди имен стран Азии и Ближнего Востока в песенных подкорпусах независимо от десятилетия встречается *Китай* (7). В 1970-е гг. пополняется список стран Ближнего Востока: *Иран* (2), *Ирак* (1), *Пакистан* (1). 1980-е гг. закономерно маркированы высокой частотностью номинации *Афганистан* (16) (варианты — *Афганистания* (1), *Афганская земля* — 1). В 1990-е гг. список пополняет *Турция* (1).

В 1960–1970-е гг. в текстах популярных песен встречаются отсылки к странам Латинской Америки — *Кубе* (1) и *Бразилии* (1). В песнях 1960-х гг. также отмечены единичные упоминания африканских стран, выбравших социалистический путь развития и широко поддержанных СССР: *Египет*, *Марокко*, *Танганьика*. В 1960 г. СССР начинает строительство Асуанской ГЭС в Египте, а в 1964 г. на пластинке выходит песня в исполнении М. Бернеса «Напиши мне, мама, в Египет»:

Напиши, мне, мама, в Египет,
 Как там Волга моя живет.
 Я не очень спешу обратно,
 Чтобы память о нас хранил
 Этот желтый и непонятный,
 непохожий на Волгу Нил...

(муз. Я. Френкель, слова Л. Ошанин)

По-видимому, в связи с ухудшением советско-африканских отношений, начавшимся в 1980-е гг., в последние два периода выборки названия африканских стран не встречаются.

Ожидаемо часто в контексте новой волны эмиграции в песнях 1990-х гг. появляется отсылка к Соединенным Штатам Америки — *Америка* (5):

Я отдала тебе,
Америка-разлучница,
Того, кого люблю.
Храни его, храни...

(исп. И. Шведова, муз. Ю. Рогоза, слова И. Демарин,
«Америка-разлучница», 1991)

Подчеркнем: во всех проанализированных контекстах *Америка* выступает именно как название государства Соединенные Штаты Америки, а не в качестве названия континента, ср.:

Русские в Америке,
Снятся вам морозы,
Берега разрушенных церквей...

(исп., муз., слова И. Николаев, «Русские в Америке», 1991);

Не валяй дурака, Америка,
Не обидим, кому говорят,
Отдавай-ка землю Алясочку,
Отдавай-ка родимую взад...

(исп. группа «Любэ», муз., слова Н. Расторгуев, «Не валяй дурака,
Америка», 1991);

Я тут, в Америке, уже четыре года,
Пожил во всех ее известных городах...

(исп., муз., слова В. Токарев, «Нью-йоркский таксист», 1990);

И с тихой улочки по свету разнесло
Кого в Америку, ну а кого в Израиль...

(исп., муз., слова Т. Снежина, «Было время», 1991)

На рис. 6 представлены своеобразные «карты мира», на которых интенсивность цвета маркирует частотность упоминаний стран (за исключением СССР) в подкорпусах четырех периодов. Здесь нам интересен не столько количественный показатель, сколько «пул» государств, которые попали в фокус институционального внимания и, соответственно, в песни: в 1960-е гг. в песенных текстах представлены африканские страны, в 1970-е гг. — страны Азии и Ближнего Востока, больше становится упоминаемых европейских стран; в 1980-е гг. в центре внимания оказывается Афганистан, впервые упоминается государство в Северной Америке (Канада), исчезают какие бы то ни было африканские страны; карта для 1990-х гг. отражает страны, принимавшие эмигрантов из СССР (США, Австралия, страны Северной и Западной Европы).

Таблица 3

Распределение номинаций стран по группам в песнях 1960-х гг., 1970-х гг., 1980-х гг. и 1990-х гг.

Группа хоронимов	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.	1990-е гг.
СССР	Россия (17), Русь (4), Советский Союз (1), Союз (1)	Россия (47), Советская Россия (1), Советский Союз (1), СССР (1)	Россия (21), Русь (9), Советский Союз (2), СССР (1)	Россия (25), Русь (6), Родина (1), Российская империя (1), Советский Союз (1)
Страны Европы (капиталистические)	Германия (1), Испания (1), Италия (1)	Германия (2) Испания (1), Италия (1)	Албания (1), Англия (1), Бельгия (1), Испания (1), Канада (1), Франция (1)	Испания (3), Албания (1), Англия (1), Бельгия (1), Израиль (1), Италия (1), Франция (1), Швеция (1)
Страны Европы (социалистические)	Болгария (1)	ГДР (1), Болгария (1), Польша (1)	Польша (3), Болгария (3), ГДР (1)	Венгрия (1)
Страны Азии, в том числе Юго-Восточной, и Ближнего Востока	Китай (1), Иран (1)	Иран (2) Афганистан (1), Индия (1), Ирак (1), Китай (1), Пакистан (1), Сингапур (1)	Афганистан (16) и периферия: Афганистан (1), Афганская земля (1); Китай (3), Пакистан (3), Иран (2), Индия (1), Ирак (1), Ливан (1), Непал (1), Сингапур (1), Лаос (1)	Афганистан (3), Китай (2), Пакистан (2), Таити (1), Турция (1)
Латинская Америка	Куба (1), Бразилия (1)	Бразилия (1)	—	—
Африка	Египет (1), Марокко (1), Танганьика (1)	Занзибар (1)	—	—
Северная Америка	—	Канада (1)	—	Америка (5)
Другое	—	Страна Дураков (1)	Спарта (1)	Спарта (1), Австралия (1)

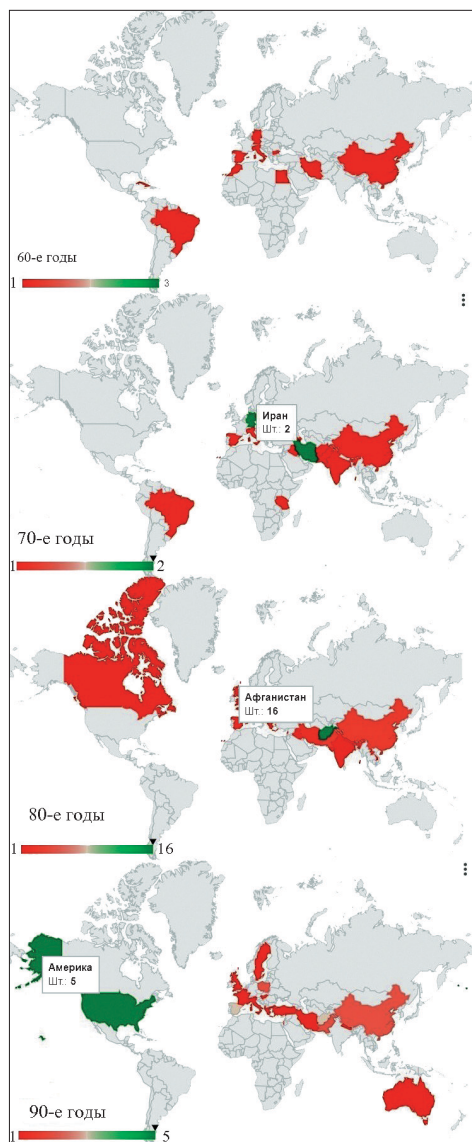

Рис. 6. «Карты мира» в советских песнях разных периодов (1960-е гг., 1970-е гг., 1980-е гг., 1990-е гг.)

Интересным оказалось распределение «внимания» советской песенной культуры по территории СССР (табл. 4–6). Поскольку частотность упоминания отдельных нестоличных городов невелика, мы решили выявить регионы институционального интереса, распределив встречающиеся астионимы по областям административного деления [Исторические материалы].

В 1960-е гг. внимание институциональных песенных авторов сосредоточено в основном на двух столицах — *Москве* (21) и *Ленинграде* (4). Дважды в контексте военной памяти упомянуты *Орел*:

И вы не спите, вы не спите, люди
 В Париже, и Варшаве, и Орле.
 Пусть ваша память вас ночами будит,
 Пока убийцы ходят по земле!
 (исп. М. Бернес, муз. Э. Колмановский,
 слова Е. Евтушенко, «Пока убийцы ходят по Земле», 1967)

и *Смоленск*:

Семья у мальчишки в Смоленске была,
 Ее в сорок первом война отняла,
 И дом разломала,
 И детство украла,
 Взамен не дала ничего...
 (исп. Э. Горовец, муз. А. Основиков, слова А. Дербенёв,
 «Смоленский мальчишка», 1968)

Однако если мы посмотрим на «рейтинг регионов» по количеству (а не по частотности) упомянутых городов (табл. 4), то в 1960-е гг. его возглавляет Иркутская область, в которой в этот период были развернуты масштабные стройки: БАМ, строительство Ангарской промышленной зоны (*Тайшет*, *Усть-Илимск*, *Иркутск*). Второе место занимает Ленинградская область: в песнях встречаем как сам город *Ленинград*, так и единичные употребления названий городов *Старая Русса* и *Выборг* — в контексте воспоминаний о событиях Великой Отечественной войны:

Друг погиб под Выборгом,
 А в друзьях нет выбора...
 (исп. М. Бернес, муз. Я. Френкель, слова М. Светлов,
 «Грустная песенка», 1968);

Где ж эти парни безусые,
 С кем в сорок первом году
 Где-то под Старою Руссою
 Мы замерзали на льду...
 (исп. Ю. Гуляев, муз. М. Блантер, слова И. Матусовский,
 «Пушки молчат дальнобойные», 1963)

Среди других регионов отметим Челябинскую область и Ненецкий автономный округ: в первой находился крупнейший металлургический комбинат страны, а во втором разрабатывались месторождения нефти (*Нарьян-Мар*).

Таблица 4

Частотность названий городов и их распределение по административно-территориальным единицам РСФСР в 1960-е гг.

Административно-территориальная единица	Количество упоминаемых городов	Города (частотность ономимов в текстах)
Иркутская область	4	<i>Братск</i> (1), <i>Тайшет</i> (1), <i>Иркутск</i> (1), <i>Усть-Илим</i> (1)
Ленинградская область	3	<i>Ленинград</i> (4), <i>Старая Русса</i> (1), <i>Выборг</i> (1)
Волгоградская область	1	<i>Волгоград</i> (1)
Калужская область	1	<i>Калуга</i> (1)
Красноярский край	1	<i>Александровск</i> (1)
Московская область	1	<i>Москва</i> (22)
Ненецкий автономный округ	1	<i>Нарьян-Мар</i> (1)
Орловская область	1	<i>Орел</i> (1)
Ростовская область	1	<i>Ростов-на-Дону</i> (1)
Саратовская область	1	<i>Саратов</i> (1)
Смоленская область	1	<i>Смоленск</i> (1)
Таганрогская область	1	<i>Таганрог</i> (1)
Челябинская область	1	<i>Магнитогорск</i> (1)
Ярославская область	1	<i>Ростов</i> (2)

В подкорпусе 1970-х гг. *Москва* (48) по частотности по-прежнему чрезвычайно выделяется на фоне остальных городов (например, *Ленинград* — только 11 употреблений). В текстах песен она олицетворяет родину, дом, некоторое материнское начало:

Москва, друзьям ты открываешь двери,
 Им даришь тихий свет своих берез.
 Неправда, что Москва слезам не верит,
 Ей только надо, чтоб не стало в мире слез.
 Свети, ее высокая звезда,
 Бросая добрый свет на наши лица.
 Пусть новые возникнут города,
 Но никогда Москва не повторится...

(исп. ВИА «Фантазия», муз. П. Аедоницкий, слова И. Романовский, «Добрая столица», 1970)

В 1970-е гг. в текстах песен все чаще появляются названия городов, находящихся на далеких рубежах страны (табл. 5): *Мурманск, Владивосток, Воркута, Магадан, Комсомольск-на-Амуре*. Впервые упоминается *Тюмень*, ставшая в этот период одним из центров советской нефтедобычи в Западной Сибири:

Тюмень! Ветер яростный взхлест.
Тюмень! От Москвы две тыщи верст...
(исп. А. Розум, муз. Л. Лядов, слова М. Петров,
«Тюмень — Сургут», 1970)

В связи с этим надо отметить, что приток населения в Западную Сибирь в 1979–1989 гг. составил более 800 тыс. человек [Зайончковская 1999: 26].

В рейтинге регионов лидерами по числу упоминаемых городов (см. табл. 5) по-прежнему остаются Ленинградская и Иркутская области, на третьем и четвертом местах — Московская область (*Москва, Люберцы, Голутвин*), а также Ростовская область (*Ростов-на-Дону, Азов, Таганрог*). Двумя городами в песенном корпусе этого десятилетия представлены Тюменская (*Тюмень* и *Сургут*), Ярославская (*Ростов* и *Ярославль*), Мурманская (*Александровск* и *Мурманск*) области. Появление новых регионов в верхушке нашего импровизированного рейтинга неслучайно: про Тюмень мы уже писали выше, а что касается Московской области, то Москва растет, поэтому постепенно близлежащие города Подмосковья начинают заселяться теми, кто учится или работает в столице:

Электрички уходят на Люберцы,
Электрички уходят в апрель...
(исп. В. Трошин, муз. Я. Френкель, слова А. Заурих,
«Заочницы», 1973)

Таблица 5

**Частотность названий городов и их распределение
по административно-территориальным единицам РСФСР в 1970-е гг.**

Административно-территориальная единица	Количество упоминаемых городов	Города (частотность онимов в текстах)
Ленинградская область	4	<i>Ленинград</i> / <i>Петербург</i> / <i>Петроград</i> (11/1/1), <i>Лебяжий</i> (1), <i>Выборг</i> (1), <i>Старая Русса</i> (2)
Иркутская область	3	<i>Братск</i> (2), <i>Тайшет</i> (2), <i>Иркутск</i> (1)

Окончание табл. 5

Административно-территориальная единица	Количество упоминаемых городов	Города (частотность онимов в текстах)
Московская область	3	<i>Москва</i> (48), <i>Голутвин</i> (1), <i>Люберцы</i> (1)
Ростовская область	3	<i>Ростов-на-Дону</i> (1), <i>Азов</i> (1), <i>Таганрог</i> (1)
Тюменская область	2	<i>Тюмень</i> (2), <i>Сургут</i> (1)
Ярославская область	2	<i>Ростов</i> (2), <i>Ярославль</i> (1)
Мурманская область	2	<i>Александровск</i> (1), <i>Мурманск</i> (1)
Астраханская область	1	<i>Астрахань</i> (1)
Брянская область	1	<i>Брянск</i> (1)
Владимирская область	1	<i>Владимир</i> (1)
Волгоградская область	1	<i>Волгоград</i> (1) / <i>Сталинград</i> (1)
Вологодская область	1	<i>Вологда</i> (1)
Воронежская область	1	<i>Воронеж</i> (1)
Калужская область	1	<i>Калуга</i> (1)
Коми АССР	1	<i>Воркута</i> (1)
Костромская область	1	<i>Кострома</i> (1)
Магаданская область	1	<i>Магадан</i> (1)
Ненецкий автономный округ	1	<i>Нарьян-Мар</i> (1)
Орловская область	1	<i>Орел</i> (1)
Приморский край	1	<i>Владивосток</i> (1)
Псковская область	1	<i>Опочка</i> (1)
Рязанская область	1	<i>Рязань</i> (1)
Таймырский автономный округ	1	<i>Диксон</i> (1)
Тамбовская область	1	<i>Тамбов</i> (1)
Самарская область	1	<i>Самара</i> (1)
Саратовская область	1	<i>Саратов</i> (1)
Смоленская область	1	<i>Смоленск</i> (1)
Челябинская область	1	<i>Трубный</i> (1)
Хабаровский край	1	<i>Комсомольск-на-Амуре</i> (1)

В 1980-е гг. тенденции остаются теми же, но частотным становится имя северного города *Магадан* (см. табл. 6), впервые появляются среди «песенных» городов *Абакан*, столица Хакасской АССР, и *Элиста*, столица Калмыцкой АССР.

Таблица 6

**Частотность названий городов и их распределение
по административно-территориальным единицам РСФСР в 1980-е гг.**

Административно-территориальная единица	Количество упоминаемых городов	Города (частотность онимов в текстах)
Ленинградская область	5	<i>Ленинград</i> / <i>Петербург</i> / <i>Санкт-Петербург</i> (8/1/1), <i>Лебяжий</i> (1), <i>Выборг</i> (1), <i>Старая Русса</i> (2), <i>Рыбачий</i> (1)
Московская область	3	<i>Москва</i> (38), <i>Звенигород</i> (1), <i>Клин</i> (1)
Вологодская область	2	<i>Вологда</i> (1), <i>Минаевский</i> (1)
Иркутская область	2	<i>Братск</i> (2), <i>Иркутск</i> (2)
Ростовская область	2	<i>Ростов-на-Дону</i> (1), <i>Таганрог</i> (1)
Астраханская область	1	<i>Астрахань</i> (1)
Брянская область	1	<i>Брянск</i> (1)
Владимирская область	1	<i>Суздаль</i> (1)
Волгоградская область	1	<i>Сталинград</i> (2)
Ивановская область	1	<i>Иваново</i> (1)
Калининская область	1	<i>Калинин</i> (1)
Калужская область	1	<i>Калуга</i> (1)
Калмыцкая АССР	1	<i>Элиста</i> (1)
Костромская область	1	<i>Кострома</i> (1)
Курская область	1	<i>Курск</i> (1)
Магаданская область	1	<i>Магадан</i> (5)
Мурманская область	1	<i>Мурманск</i> (1)
Новгородская область	1	<i>Новгород</i> (1)
Орловская область	1	<i>Орел</i> (1)
Приморский край	1	<i>Владивосток</i> (1)

Окончание табл. 6

Административно-территориальная единица	Количество упоминаемых городов	Города (частотность онимов в текстах)
Псковская область	1	<i>Псков</i> (1)
Рязанская область	1	<i>Рязань</i> (1)
Самарская область	1	<i>Самара</i> (1)
Саратовская область	1	<i>Саратов</i> (1)
Смоленская область	1	<i>Смоленск</i> (1)
Татарская АССР	1	<i>Казань</i> (1)
Тульская область	1	<i>Тула</i> (1)
Челябинская область	1	<i>Магнитогорск</i> (1)

В 1990–1991 гг. на пластинках начинают активно выходить альбомы В. Высоцкого и А. Розенбаума, в песнях которых нередко отражена блатная тематика. С этим связано появление имени города *Бодайбо* («столица» золотоискателей, 2 употребления) и рост частотности астионима *Магадан* (6) (см. табл. 7). В целом количество астионимов в данном подкорпусе значительно меньше, чем в остальных, в силу упомянутой временной ограниченности периода, а также потому, что в песнях начинают чрезвычайно активно использоваться зарубежные астионимы. Интересно также то, что регионом-лидером по количеству упоминаемых городов становится Московская область, причем в песнях встречаем подмосковные города, связанные с православными традициями (*Звенигород*, *Загорск*), а в списке регионов преобладают территории Центральной России — практически исчезли города Урала, Сибири, Дальнего Востока и Приморья.

Таблица 7

Частотность названий городов и их распределение по административно-территориальным единицам РСФСР в 1990-е гг.

Административно-территориальная единица	Количество упоминаемых городов	Города (частотность онимов в текстах)
Московская область	4	<i>Москва</i> (31), <i>Подольск</i> (1), <i>Звенигород</i> (1), <i>Загорск</i> (1)
Иркутская область	3	<i>Бодайбо</i> (2), <i>Иркутск</i> (1), <i>Тайшет</i> (1), <i>Братск</i> (1)

Окончание табл. 7

Административно-территориальная единица	Количество упоминаемых городов	Города (частотность онимов в текстах)
Владимирская область	3	<i>Владимир</i> (1), <i>Суздаль</i> (1), <i>Муром</i> (1)
Калужская область	2	<i>Калуга</i> (1), <i>Медынь</i> (1)
Калининская область	2	<i>Калинин</i> (1), <i>Бологое</i> (1)
Калмыцкая АССР	1	<i>Элиста</i> (1)
Костромская область	1	<i>Кострома</i> (1)
Краснодарский край	1	<i>Новороссийск</i> (1)
Курская область	1	<i>Курск</i> (1)
Магаданская область	1	<i>Магадан</i> (6)
Мурманская область	1	<i>Мурманск</i> (1)
Новгородская область	1	<i>Новгород</i> (1)
Орловская область	1	<i>Орел</i> (1)
Псковская область	1	<i>Псков</i> (1)
Рязанская область	1	<i>Рязань</i> (1)
Самарская область	1	<i>Самара</i> (1)
Саратовская область	1	<i>Саратов</i> (1)
Смоленская область	1	<i>Смоленск</i> (1)
Тамбовская область	1	<i>Тамбов</i> (1)
Тульская область	1	<i>Тула</i> (1)

Если мы обратимся к названиям городов союзных республик, упоминающихся в текстах песен, то увидим, как меняется институциональная роль некоторых из них с каждым десятилетием.

В 1960-е гг. города четырнадцати республик упоминаются в целом нечасто: столица Азербайджана — *Баку* (3); города Украины — *Одесса* (1), *Николаев* (1), *Харьков* (1); Белоруссии — *Брест* (1), *Минск* (1); Латвии — *Рига* (1).

В 1970-е гг. увеличивается количество названий украинских городов и частотность их упоминания: *Керчь* (5), *Одесса* (5), *Киев* (1), *Львов* (1), *Херсон* (1), *Ялта* (1). Появляется столица Грузии в современном советском наименовании (*Тбилиси* — 3) и историческом (*Тифлис* — 1), также встречаются единичные упоминания столиц Армении (*Ереван*), Узбекистана (*Ташкент*), Туркменистана (*Ашхабад*), Молдовы (*Кишинев*).

В 1980-е гг. к вышеприведенному списку добавляются названия городов Латвии и Эстонии: *Юрмала* (2), *Таллин* (1), *Нарва* (1).

В 1990-е гг. сохраняется тот же список онимов, что и в предыдущие десятилетия, но частотность упоминаний украинских городов становится меньше.

В выборке не встречаются названия городов Киргизской и Казахской ССР.

Показательно распределение групп онимов (города РСФСР, союзных республик, капиталистических стран и стран социалистического лагеря) по годам (см. рис. 7): во всех рассматриваемых периодах больше всего упоминаний городов РСФСР, затем идут города капиталистических стран, и их количество растет с каждым десятилетием. Больше всего городов союзных республик упоминается в песнях 1970-х гг., а городов стран соцлагеря — в песнях 1980-х гг.

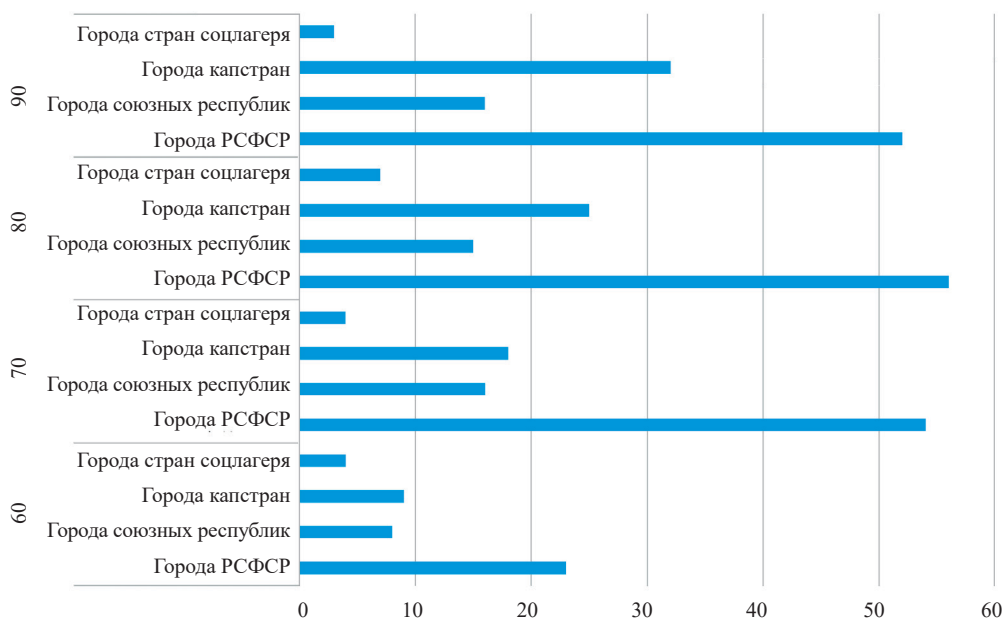

Рис. 7. Распределение групп астионимов по временным периодам

Обусловленность экстралингвистическими факторами (экономические проекты страны) демонстрирует употребление в песнях разных десятилетий названий отдельных регионов.

В 1960-е гг. называются прежде всего удаленные от центра страны регионы: *Север* (4), *Сибирь* (3), *Заполярье* (2), *Алтай* (1), *бурятские степи* (1).

В 1970-е гг. впервые в песенных текстах отмечаются упоминания угольных бассейнов — *Кузбасса* (1) и *Донбасса* (2), а также *Урала* (3), *Забайкалья* (2),

Дальнего Востока (1), *Валдая* (1). По-прежнему регионы-лидеры — это *Север* (4) и *Сибирь* (5).

В 1980-е гг. упоминаемых регионов становится меньше — из списка 1970-х гг. остаются *Сибирь* (5), *Урал* (5), *Север* (4).

В 1990-е гг. упоминаемых регионов становится еще меньше (*Сибирь* — 4, *Север* — 3), но появляются названия южных регионов — *Кубань* (2).

Урбанонимы

Немало песен посвящено разным улицам и уголкам городов. Лидером по упоминаниям становятся урбанонимы старой Москвы и ее символические локации (*Кремль*, *Красная площадь*, *Ленинские горы*): *Арбат* (5), *Тверская* (5), *Петровка* (4), *Пресня* (4), *Садовое кольцо* (4), *Садовая* (3), *Старый Арбат* (3), *Малая Бронная* (2), *Полянка* (2), *Таганка* (2), *Земляной Вал* (1), *Моховая* (1), *Мясницкая* (1), *Сретенка* (1). В 1990-е гг. список дополняют «вариации на тему» Бутырской тюрьмы: *Бутырка* (5), *Бутырский хутор* (1).

До 1990-х гг. Ленинград попадает в песенную географию только посредством упоминания *Невского проспекта* (8) и *Выборгской стороны* (4). Но в 1990-е гг. широкую популярность приобретает творчество ленинградских авторов И. Корнелюка и А. Розенбаума, а также квартета «Секрет», поэтому в текстах возникают образы *Гостиного двора* (3), *Литейного моста* (3), *Исаакиевской площади* (2), *Кировского проспекта* (2), *Летнего сада* (2), *Петроградской стороны* (2), *Сенатской площади* (2), *Черной Речки* (2), *Алексеевского равелина* (1), *Заячьего острова* (1), *улицы Зодчего России* (1), *Кузнечного рынка* (1), *Лебяжьей канавки* (1), *улицы Марата* (1), *метро Маяковская* (1), *Михайлова (Михайловского) замка* (1), *Нарвской заставы* (1), *Спаса-на-Крови* (1), *Средней Рогатки* (1), *Шпалерной* (1).

Третьим городом, чья топонимия активно проникает в песенный жанр, становится Одесса — с начала в 1960-х гг. М. Бернес увековечивает *Молдованку* (1), *Пересынь* (1), *Французский бульвар* (1), а в 1980-е гг. Ю. Антонов дополняет список «фруктовыми улицами»: *Абрикосовая* (1), *Грушевая* (1), *Виноградная* (1).

Заграничные города и их красоты остаются долгое время в тени: в 1960-е гг. упоминается единожды *Монмартр* как символ творческой свободы Парижа, в 1970-е гг. — нью-йоркский *Бродвей*. Во второй половине 1980-х гг. происходит потепление отношений между СССР и Францией: «С приходом к власти М. Горбачева и началом претворения в жизнь “нового политического мышления” двустороннему советско-французскому диалогу на высшем уровне был придан новый импульс» [Климова 2007: 14]. Культурными амбассадорами Франции становятся М. Влади, Ж. Депардьё, П. Ришар, А. Делон — на экраны

страны выходят фильмы с их участием («Папаши», «Игрушка»). В результате в тексты проникают единичные отсылки к другим культовым местам Парижа, например, к саду *Тюильри* (1):

Метель замела, замела Тюильри,
 Вьет вензеля, шалая...
 Нет прошлой любви, нет последней любви –
 Есть настоящая!

(исп. А. Бабаджанян, муз. А. Бабаджанян, слова А. Вознесенский,
 «Снег в Париже», впервые исполнена в 1976 г.,
 записана на пластинке в 1980 г.)

В 1989 г. «Мелодия» выпускает альбом песен А. Н. Вертинского к столетнему юбилею со дня рождения исполнителя. В них не раз упоминаются топонимы французской столицы:

Бурлит Сент-Антуан, шумит Пале-Рояль,
 В Париже слышен зов Камилла де Мулена,
 Народный гнев растет, вздымаясь ввысь, как пена.

(исп. и муз. А. Н. Вертинский, слова М. Волошин, «14 июля», 1989)

В 1990-е гг. к списку французских топонимов в песнях добавляются *пляс Пигаль* (1) и *сад Ренуара* (2). Появляются также названия нью-йоркских кварталов: *Брайтон* (3), *Чайна-таун* (1), *Центральный парк* (1).

Милитаронимы

В песнях заметны следы глубокого и трагического осмысления событий Великой Отечественной войны послевоенными поколениями. Топонимы выступают в функции милитаронимов в песенных контекстах — меморативных и патриотических, связанных с событиями Великой Отечественной войны и военных событий в Афганистане. Например, в 1960-е гг. в песне появляется название концлагеря *Дахау*:

В ночи гудели печи, не стихая,
 Мой пепел ворошила кочерга,
 Но, дымом восходя из труб Дахау,
 Живым я опускался на луга.

(исп. М. Бернес, муз. Э. Колмановский,
 слова Е. Евтушенко, «Убийцы», 1966)

В последующие десятилетия коллективная травма проживается и артикулируется все острее: в 1970-е гг. в песенных текстах пронзительно звучат *деревня Крюково* (1), *Бухенвальд* (1), *Дахау* (1), *Кенигсберг* (1), *Малахов*

Курган (2), *Мамаев Курган* (1), *Хатынь* (1), *Хиросима* (1), *Сапун-гора* (1). В 1980-е гг. к упомянутым ранее милитаронимам добавляются *Бабий Яр* (2), *Курская дуга* (1), *Ольховка* (1), *Федюнинские холмы* (1). Только в 1990-е гг. список мест военной памяти на территории СССР сокращается, в текстах появляются названия преимущественно зарубежных локаций, связанных со Второй мировой войной: *Бранденбургские ворота* (2), *Верден* (1), *Монте-Кассино* (1), *Освенцим* (3), *Треблинка* (1).

В 1980-е гг., в разгар войны в Афганистане, на первый план среди зарубежных топонимов выходят астионимы в функции милитаронимов: *Кабул* (3), *Баграм* (1), *Герат* (1), *Джелалабад* (1), *Кандагар* (1), *Хост* (1), *Шинданд* (1), *Шинкара* (1).

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить несколько тенденций в употреблении топонимов в советском песенном дискурсе четырех анализируемых периодов.

1. Частотность и распределение топонимов в текстах советских песен во многом предопределяются тенденциями к легитимации государством в сознании граждан различных программных решений в области политики и экономики.

1.1. Селекция астионимов достаточно хорошо согласуется с инициированными государством направлениями внутренней добровольной трудовой миграции: в 1960–1970-е гг. они обеспечивали приток населения на северные территории, на Дальний Восток, на стройки Восточной Сибири, Урала, а также на месторождения нефти в Западной Сибири.

1.2. Хоронимы, астионимы и урбанонимы отражают векторы внешней политики, актуальные для государства в то или иное десятилетие: в 1960-е гг. укрепляется сотрудничество с Африкой — в песнях появляются названия стран и городов Африки; в 1980-е гг. «получают новый импульс» отношения с Францией — на пластинках выходят песни, в текстах которых встречаются названия улиц, площадей и парков Парижа.

1.3. Частотность и контекстное окружение космонимов транслируют имидж СССР на внешнеполитической арене: в 1960-е гг. *Земля*, *Млечный Путь* и другие космонимы — это обращенная вовне отсылка к покорению космоса именно советскими людьми; в 1970-е гг. — внешнеполитический посыл о важности создания мирового сообщества; в 1980-е гг. — выражение озабоченности безопасностью Земли на фоне глобальных военно-политических кризисов.

2. Частотность и распределение топонимов в текстах советских песен зависят также от степени свободы слова, которой общество обладает на данный момент.

2.1. Астионимы в 1980–1990-е гг., прошедшие под знаком гласности и ослабления идеологического контроля, отражают поколенческий опыт вынужденных мигрантов, об этом свидетельствует рост частотности астионима *Магадан*.

2.2. Растущий неподдельный интерес советских граждан к загранице, новые волны идеологической и экономической миграции в страны Европы и США проявляются в те же 1980–1990-е гг. ростом частотности хоронимов — названий зарубежных стран, городов капиталистических стран — и урбанонимов, отсылающих к местам локального проживания эмигрантов из СССР.

3. В советских песнях разных периодов находят отклик этапы проживания обществом коллективных военных травм — Великой Отечественной войны и военного конфликта в Афганистане. В 1960–1980-е гг. число упоминаний мест, связанных с войной, постоянно растет; в 1980-е гг. наблюдается пик использования афганских милитаронимов, но в 1990-е гг. частотность тех и других падает.

Перспективу исследования составляет проведение аналогичной работы (создание корпуса и его обработка) для песен постсоветского времени и дальнейший сопоставительный анализ географических картин мира двух эпох — советской и постсоветской.

Сокращения

исп. исполнитель

Источники

- Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/44857> (дата обращения: 21.07.2024).
Discogs — Мелодия : лейбл // Discogs : музыкальная база данных и маркетплейс. URL: <https://www.discogs.com/ru/label/15486-Мелодия?page=1> (дата обращения: 21.07.2024).
Natasha : набор Python-библиотек для обработки текстов на естественном русском языке. URL: <https://natasha.github.io/> (дата обращения: 21.05.2024).
Text-Pesenok.ru : тексты и слова песен для караоке. URL: <https://text-pesenok.ru> (дата обращения: 14.05.2023).

Исследования

- Зайончковская Ж. А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 1999. № 4. С. 22–34.

- Зубкова Е. Ю.* Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Российская история. 2019. № 5. С. 3–14. <http://doi.org/10.31857/S086956870006372-0>
- Иванова Т. Г.* Историческое пространство в песне о русско-шведской войне 1788–1790 годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 8–15. <http://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.651>
- Иванова Т. Г.* Историческое пространство Сибири в песнях XVII в. // Словесность и история. 2020. № 2. С. 13–26. <http://doi.org/10.31860/2712-7591-2020-2-13-26>
- Ильичёва О. С., Комиссарова Е. В., Кибасова Г. П.* Трансформации отечественной песенной культуры в 90-е годы XX века (региональный аспект) // Проблемы музыкальной науки. 2020. № 38. С. 171–176. <http://doi.org/10.33779/2587-6341.2020.1.171-176>
- Калуцков В. Н., Иванова А. А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М. : ПФОП, 2006.
- Карасик В. И.* О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмоциональные аспекты : сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 185–197.
- Климова Н. А.* Российско-французские культурные отношения во второй половине 80-х — 90-е годы XX века : автореф. ... дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / Моск. гос. пед. ун-т М., 2007.
- Колмогорова А. В.* Легитимация как социополитический феномен и объект дискурс-анализа // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 33–40. <http://doi.org/10.26170/pl18-01-03>
- Колмогорова А. В., Зарембо В. С., Ткачева Е. С., Улыбина О. А.* Исследовательский потенциал корпуса советских песен: эмоциональная тональность и география песенных текстов через призму компьютерных технологий // Лингвистическая семантика в пространственном измерении: Словарь. Дискурс. Корпус / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2024. С. 423–445.
- Костылев Ю. С.* Особенности функционирования топонимов в текстах советской массовой военной песни 1920–1930-х гг. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.) / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 138–140.
- Левенштейн В. И.* Двойные коды с исправлением выпадений, вставок и замещений символов // Доклады АН СССР. 1965. Т. 163, № 4. С. 845–848.
- Митрофанова О. А., Гаврилик Д. А.* Эксперименты по автоматическому выделению ключевых выражений в стилистически разнородных корпусах русскоязычных текстов // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 4. С. 22–40. <http://doi.org/10.18721/JHSS.13402>
- Неклюдов С. Ю.* Столичные и провинциальные города в городской песне XX века: топика и топонимика // Europa Orientalis. 2003. № 22. С. 71–86.
- Одеков Р. В.* Лексические средства выражения понятий и реалий средневековой истории Туркменистана в русских текстах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / С.-Петербург. гос. ун-т СПб., 1997.
- Ондар М. В., Кошкендей И. М., Хомушку Ч. О.* Топонимы в фольклоре тувинцев (на материале героического эпоса и народных песен) // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 53–68. <http://doi.org/10.25178/nit.2018.3.4>
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978.
- Польнов М. Ф.* СССР в годы перестройки. 1985–1991 гг. СПб. : ИНФО, 2017.
- Сенгуло А. М.* Внешнеполитическая концепция и практика СССР в отношении стран Африки (1960–1980-е годы) : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2000.
- Токмашев Д. М.* Теоретические проблемы фольклорной ономастики (на материале шорского фольклора) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 9. С. 179–185.

- Убушиева Б. Э. Горный ландшафт в калмыцкой народной песне сквозь призму языка // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7. С. 68–69.
- Филиппова Е. А. Какую информацию извлекаем? // Прикладная и компьютерная лингвистика / под ред. И. С. Николаева, О. В. Митрениной, Т. М. Ландо. М. : Ленанд, 2016. С. 211–232.
- Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Топонимическая лексика в татарском и марийском песенном творчестве // Казанская наука. 2023. № 9. С. 191–194.
- Хабунова Е. Э., Гедеева Д. Б., Убушиева Б. Э. Топонимы в фольклорном контексте калмыков // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 242–258. <http://doi.org/10.25178/nit.2018.3.16>
- Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М. : Наука, 1990.

References

- Filipova, E. A. (2016). Kakuiu informatsiiu izvlekaem? [What Kind of Information Do We Extract?]. In I. S. Nikolaev, O. V. Mitrenina, & T. M. Lando (Eds.), *Prikladnaia i komp'uternaia lingvistika* [Applied and Computational Linguistics] (pp. 211–232). Moscow: Lenand.
- Ilyicheva, O. S., Komissarova, E. V., & Kibasova, G. P. (2020). Transformatsii otechestvennoi pesennoi kul'tury v 90-e gody XX veka (regional'nyi aspekt) [Transformations in Russian Song Culture in the 1990s: A Regional Perspective]. *Problemy muzykal'noi nauki*, 38, 171–176. <http://doi.org/10.33779/2587-6341.2020.1.171-176>
- Ivanova, T. G. (2020). Istoricheskoe prostranstvo Sibiri v pesniakh XVII v. [The Historical Space of Siberia in 17th-Century Songs]. *Slovesnost' i istoriia*, 2, 13–26. <http://doi.org/10.31860/2712-7591-2020-2-13-26>
- Ivanova, T. G. (2021). Istoricheskoe prostranstvo v pesne o rusko-shvedskoi voine 1788–1790 godov [The Historical Space in the Song about the Russo-Swedish War of 1788–1790]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 43(6), 8–15. <http://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.651>
- Kalutskov, V. N., & Ivanova, A. A. (2006). *Geograficheskie pesni v traditsionnom kul'turnom landshafte Rossii* [Geographical Songs in the Traditional Cultural Landscape of Russia]. Moscow: PFOP.
- Karasik, V. I. (1998). O kategoriiakh diskursa [On Categories of Discourse]. In V. I. Karasik (Ed.), *Iazykovaia lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* [Linguistic Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects] (pp. 185–197). Volgograd; Saratov: Peremena.
- Khabibullina, F. Ya., & Ivanova, I. G. (2023). Toponimicheskaia leksika v tatarskom i mariiskom pesennom tvorchestve [Toponymic Vocabulary in Tatar and Mari Song Traditions]. *Kazanskaia nauka*, 9, 191–194.
- Khabunova, E. E., Gedeeva, D. B., & Ubushieva, B. E. (2018). Toponimy v fol'klornom kontekste kalmykov [Toponyms in the Folklore Context of the Kalmyks]. *Novye issledovaniia Tuvy*, 3, 242–248. <http://doi.org/10.25178/nit.2018.3.16>
- Klimova, N. A. (2007). *Rossiisko-frantsuzskie kul'turnye otnosheniia vo vtoroi polovine 80-kh — 90-e gody XX veka* [Franco-Russian Cultural Relations in the Late 1980s and 1990s] (doctoral dissertation). Moscow State Pedagogical University, Moscow.
- Kolmogorova, A. V. (2018). Legitimatitsiia kak sotsiopoliticheskii fenomen i ob'ekt diskurs-analiza [Legitimation as a Sociopolitical Phenomenon and Object of Discourse Analysis]. *Politicheskaiia lingvistika*, 1, 33–40. <http://doi.org/10.26170/pl18-01-03>
- Kolmogorova, A. V., Zarembo, V. S., Tkacheva, E. S., & Ulybina, O. A. (2024). Issledovatel'skii potentsial korpusa sovetskikh pesen: emotsional'naiia tonal'nost' i geografiia pesennykh tekstov cherez prizmu komp'uternykh tekhnologii [The Research Potential of the Soviet Song Corpus: Emotional Tone and Geography of Song Lyrics through the Lens of Computational

- Technologies]. In L. G. Babenko (Ed.), *Lingvisticheskaia semantika v prostranstvennom izmerenii: Slovar' . Diskurs. Korpus* [Linguistic Semantics in a Spatial Dimension: Dictionary. Discourse. Corpus] (pp. 423–445). Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi.
- Kostylev, Yu. S. (2009). Osobennosti funkcionirovaniia toponimov v tekstakh sovetskoi massovoi voennoi pesni 1920–1930-kh gg. [Features of Toponym Use in Soviet Popular Military Songs of the 1920s–1930s]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceedings of the International Conference] (pp. 138–140). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Levenshtein, V. I. (1965). Dvoichnye kody s ispravleniem vypadenii, vstavok i zameshchenii simvolov [Binary Codes with Correction of Deletions, Insertions, and Substitutions]. *Doklady AN SSSR*, 163(4), 845–848.
- Mitrofanova, O. A., & Gavrilik, D. A. (2022). Eksperimenty po avtomaticheskomu vydeleniiu kliuchevykh vyrazhenii v stilisticheski raznorodnykh korpusakh russkoiazychnykh tekstov [Experiments in Automatic Extraction of Key Phrases in Stylistically Diverse Russian Text Corpora]. *Terra Linguistica*, 13(4), 22–40.
- Neklyudov, S. Yu. (2003). Stolichnye i provintsial'nye goroda v gorodskoi pesne XX veka: topika i toponimika [Capital and Provincial Cities in 20th-Century Urban Songs: Themes and Toponymy]. *Europa Orientalis*, 22, 71–86.
- Odekov, R. V. (1997). *Leksicheskie sredstva vyrazheniia poniatii i realii srednevekovoi istorii Turkmenistana v russkikh tekstakh* [Lexical Means of Expressing Concepts and Realities of Mediaeval Turkmenistan in Russian Texts] (doctoral dissertation). St Petersburg State University, St Petersburg.
- Ondar, M. V., Koshkendi, I. M., & Khomushku, Ch. O. (2018). Toponimy v fol'klоре tuvintsev (na materiale geroicheskogo eposa i narodnykh pesen) [Toponyms in the Folklore of the Tuvinians (Based on Heroic Epic and Folk Songs)]. *Novye issledovaniia Tury*, 3, 53–68. <http://doi.org/10.25178/nit.2018.3.4>
- Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Nauka.
- Polynov, M. F. (2017). *SSSR v gody perestroiki. 1985–1991 gg.* [The USSR During the Perestroika: 1985–1991]. St Petersburg: INFO.
- Sengulo, A. M. (2000). *Vneshnepoliticheskaiia kontseptsiiia i praktika SSSR v otnoshenii stran Afriki (1960–1980-e gody)* [The Foreign Policy Concept and Practice of the USSR Regarding African Countries (1960s–1980s)] (doctoral dissertation). RUDN, Moscow.
- Tokmashev, D. M. (2011). Teoreticheskie problemy fol'klornoi onomastiki (na materiale shorskogo fol'klora) [Theoretical Issues in Folklore Onomastics (Based on Shor Folklore)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 9, 179–185.
- Tsivyan, T. V. (1990). *Lingvisticheskie osnovy balkanskoi modeli mira* [Linguistic Foundations of the Balkan Model of the World]. Moscow: Nauka.
- Ubushieva, B. E. (2009). Gornyi landshaft v kalmytskoi narodnoi pesne skvoz' prizmu iazyka [Mountain Landscapes in Kalmyk Folk Songs Through the Lens of Language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 7, 68–69.
- Zayonchkovskaya, Zh. A. (1999). Vnutrenniaia migratsiia v Rossii i v SSSR v XX veke kak otrazhenie sotsial'noi modernizatsii [Internal Migration in Russia and the USSR in the 20th Century as a Reflection of Social Modernisation]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etimologiya*, 4, 22–34.
- Zubkova, E. Yu. (2019). Sovetskaia zhizn' kak predmet istoricheskoi rekonstruktsii [Soviet Life as an Object of Historical Reconstruction]. *Rossiiskaia istoriia*, 5, 3–14. <http://doi.org/10.31857/S086956870006372-0>